

В конце концов Ворон не выдержал и начал стучать в дверь:

— Ты что там делаешь? Ты что, умер там, что ли?

Только после этого А-Янь, медленно одеваясь, вышел из комнаты и, сгорбившись, юркнул внутрь дома.

Он посидел некоторое время на краю кровати, словно собираясь с духом, затем быстро перетащил постель на пол и, молниеносно забравшись под одеяло, притворился спящим, пока Ворон не вернулся.

А-Янь думал, что, как бы Ворон ни был недоволен, увидев его спящим, тот вряд ли станет устраивать скандал. Если удастся пережить эту ночь, то завтра, с восходом солнца, он, возможно, придумает ещё несколько уловок.

Однако, когда Ворон вошёл, он лишь на мгновение замер, а затем подошёл к А-Яню, даже не утруждая себя разговором, схватил его вместе с постелью и без лишних слов швырнул на кровать.

Затем, не колеблясь, он потушил свет и сам устроился рядом.

А-Янь поспешно открыл глаза и, увидев, что Ворон уже набросился на него, попытался отодвинуться и сбежать.

Но едва он высунулся из-под одеяла, как холодный воздух обжёг его кожу, и он невольно вскрикнул:

— Ой!

И, как трус, снова нырнул под одеяло.

Он забыл, что магический холод был его главным противником. Всего за несколько секунд, проведённых на воздухе, он чуть не замёрз до костей.

Ворон не проронил ни слова. Он знал, что хрупкое тело А-Яня не выдержит холода, поэтому не стал обращать на него внимания, лишь поправил одеяло и закрыл глаза.

А-Янь затаил дыхание, прислушиваясь к движениям Ворона, но тот не подавал признаков жизни. Он не набрасывался, как дикий зверь, и не пытался приблизиться. Вскоре раздалось лёгкое похрапывание. А-Янь осторожно спросил:

— Ты уснул?

Чтобы убедиться, что он действительно может расслабиться.

Но его едва слышный вопрос ещё не успел стихнуть, как Ворон ответил совершенно трезвым голосом:

— Нет, не уснул.

А-Янь был шокирован:

— Тогда почему ты храпишь?

— Я не храпел, — сказал Ворон, как будто говорил правду.

— Тогда почему ты не спишь? — спросил А-Янь, уже не так уверенно.

Ворон помолчал, а затем вдруг серьёзно произнёс:

— Мне нужно с тобой поговорить.

Сказав это, он снова надолго замолчал. Он всё время думал о тех двух вопросах, которые А-Да задал ему в конце. Хотя он не был особо проницательным, но, зная А-Да достаточно хорошо, он всё же смог уловить его намёки.

А-Да хотел, чтобы он оставил А-Яня, но мог ли он гарантировать, что это удастся?

Ворон вырос вместе с А-Да и его сестрой, и он хорошо знал, какой нрав у тётушки Утки.

Раньше, когда старый глава деревни был ещё жив, он мог сдерживать её вспыльчивость. Позже, после его смерти, А-Да с Бэйпо тоже мог немного успокоить её.

Но теперь всё изменилось. А-Да с Бэйпо ушёл, и его убили чужаки. Он умер на руках у тётушки Утки, и эта ненависть была настолько сильна, что она готова была сражаться с врагами, даже если это означало встретиться с дулом их ружей.

Тётушка Утка не боялась смерти, но даже умирая, она хотела сделать жизнь солдат врага невыносимой.

Ворон, конечно, тоже ненавидел чужаков, но, возможно, под влиянием А-Да, он постепенно понял, что не все люди из внешнего мира были злодеями, так же как и не все люди Кушань должны без разбора сдирать кожу с чужаков.

Среди них было много невинных, и А-Да не хотел, чтобы они страдали.

В ту ночь, когда они схватили брата Цуна и А-Яня, А-Да сразу же поговорил с Вороном. Он сказал, что, возможно, они ошиблись, схватив этих солдат, особенно писаря. Что они могли знать?

Ворон спросил, не приходил ли Фазан просить за них:

— Фазан сам не разобрался, схватил знакомых, и что теперь делать? Разве что не допрашивать их, а кормить и поить?

А-Да сказал, что это не так. Всё было в хаосе, и, вероятно, Фазан тогда тоже не мог разобрать, кто есть кто, и схватил первых попавшихся.

— Но они, вероятно, действительно ничего не знают. Это всё равно что схватить двух стариков из нашей деревни, которые не участвовали в войне. Даже если вырвать им зубы, они ничего не скажут.

А-Да тогда не упомянул о названном младшем брате, и Ворон считал, что, каким бы ни было отношение А-Да, традиции Кушань оставались неизменными. Глава деревни, хоть и был влиятельной фигурой, не мог идти против традиций.

Но Ворон не ожидал, что А-Да использует такой нестандартный способ, чтобы спасти их жизни.

В день Праздника Саламандры А-Да снова поговорил с Вороном. На этот раз он откровенно рассказал о просьбе Фазана. Он сказал, что Фазан встал на колени и рыдал перед ним.

— В их большой семье трое детей. Старший умер от болезни много лет назад, он был вторым. После того как его схватили, семья, вероятно, уже считала его погибшим, и он не надеялся вернуться до конца войны. Теперь остался только этот младший двоюродный брат. Если его казнить, он не сможет оправдаться перед предками.

Ворон сказал, что он тоже может встать на колени. Если нужно плакать, он тоже сможет:

— Если ты скажешь им отпустить их двоих или что они сбежали, то либо тебя будут осуждать, либо меня обвинят в халатности, и я буду избит до полусмерти.

— Я возьму старшего как названного младшего брата, — сказал А-Да. — Тогда никто не сможет возразить.

Ворон был ошарашен. Он не ожидал, что А-Да сделает такой выбор. Но у него в голове была пустота, и, кроме грубой силы, он не знал, как возразить. Поэтому, хотя ему было не по себе, он не стал больше спорить.

А-Да сказал:

— Попробуй с ними поладить. Я бывал во внешнем мире, не все они плохие. Если у них действительно злые намерения, мы всегда сможем их убить позже, верно?

— Верно, — согласился Ворон.

Хотя в детстве он всегда считал А-Да младшим братом, за последние пять-шесть лет А-Да всё больше проявлял себя как глава деревни. Наедине он, возможно, ещё называл его старшим братом, но на самом деле они были просто хозяином и слугой, и Ворон не мог ничего сказать.

Но, оглядываясь назад, А-Да всегда был решительным.

Он не был таким импульсивным, как тётушка Утка, и не таким терпеливым, как старый глава деревни. За те годы, что он был главой, из пяти глав деревень он был самым молодым, но в деревне Ситоу было меньше всего потерь, и она была самой зажиточной. В этом была большая заслуга А-Да.

Ворон послушал его и в итоге странным образом принял его указание выделить А-Яня ему.

Ворон признал, что А-Янь не был плохим парнем. Иногда он даже казался милым. Послушный, трусливый, с приятной внешностью, мягкий на ощупь и приятно пахнущий.

Возможно, из-за того, что ему уже за тридцать и он не имел пары, присутствие А-Яня в последнее время вызывало у Ворона чувство, что есть что-то, чего можно ждать с нетерпением.

Раньше, когда дома никого не было, днём он занимался делами с А-Да, а ночью шёл выпить. Напившись, он либо спал в таверне, либо шатался домой.

Но с тех пор как появился А-Янь, он почти не напивался. Отчасти это было из-за того, что он должен был следить за А-Янем, ведь если тот сбежит, Ворон получит наказание кнутом.

Конечно, была и другая причина, но эта причина была более тонкой, и Ворон пока не мог её понять или признать.

И вот, когда он наконец начал привыкать к этому человеку, теперь его нужно убить. Эх, даже к свинье можно привязаться, не говоря уже о человеке.

Ворон сказал:

— Твой брат Цун в последние дни наверняка будет страдать, и ты тоже. Сестра А-Да приедет, и она точно будет недовольна тем, что мы с А-Да взяли вас двоих. Она будет постоянно подстрекать людей, чтобы доставить нам неприятности. Ты не выходи из дома, делай то, что я скажу.

А-Янь дрожащим голосом спросил:

— Что ты имеешь в виду? Что значит «будет страдать»?

— Будет бит, получит наказание, я не знаю, — сказал Ворон. — Но А-Да постарается его защитить, и я постараюсь защитить тебя.

А-Янь сглотнул, вспомнив женщину, которую видел в зале собраний. Вспоминая её взгляд, он не мог сдержать дрожи.

Он спросил, не та ли это женщина, которая выглядела такой жестокой, та, что велела ему разделить одеяло.

— Да, это тётушка Утка, — сказал Ворон. — Но тебе повезло, твой статус не позволяет тебе кланяться ей и подносить вино. Твой брат Цун должен будет это сделать, и тогда его точно будут бить.

А-Янь испугался. Хотя он выглядел слабее, чем брат Цун, тело того тоже не было крепким. Когда их только схватили и пытали, они оба чуть не погибли. Еле-еле оправились за такое долгое время, и теперь, если это повторится...

— Брат Цун умрёт!

— Нет, из уважения к А-Да они не станут причинять ему вреда тайком. Если будут проблемы, это произойдёт при А-Да.

[Нет авторских примечаний к этой главе]

<http://bllate.org/book/16300/1470216>